

Вообрази себе, что цель жизни — твое счастье, — и жизнь жестокая бессмыслица. При-
знай то, что говорит тебе и мудрость людская, и твой разум, и твое сердце: что жизнь
есть служение тому, кто послал тебя в мир, и жизнь становится постоянной радостью.

Лев Николаевич Толстой

Лев Николаевич Толстой

БОЖЕСКОЕ
И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ
ИСПОВЕДЬ. ТРАКТАТ. СТАТЬИ

Иллюстрированное издание

МОСКВА
2018

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Лев Николаевич Толстой — это тот случай, когда любые слова о «величии», «значении», «влиянии» и т. д. все равно не отразят всей сути и мощи личности. Его место в пантеоне мировой литературы неоспоримо. И при жизни, и после нее моральный авторитет Толстого был и остается непоколебим и достигает таких высот, которые подвластны очень и очень немногим. Издатель, драматург и писатель А. С. Суворин однажды записал в своем дневнике: «Два царя у нас: Николай II и Лев Толстой. Кто из них сильнее? Николай II ничего не может сделать с Толстым, не может поколебать его трон, тогда как Толстой несомненно колеблет трон Николая... Лев Толстой — это первый и единственный русский писатель, который раньше всех испытал полную свободу на русской земле... Он был исключением из общего правила».

Александр Блок охарактеризовал его так: «Толстой — величайший и единственный гений современной Европы, высочайшая гордость России, человек, одно имя которого — благоухание, писатель великой чистоты и святости».

А Махатма Ганди сказал еще короче и проще: «Лев Толстой — самый честный человек своего времени».

И закономерное следствие всего этого — трансформация в идола, которому при этом поклоняются даже не потому что искренне верят, а потому что так надо; превращение Толстого — и человека, и писателя, и мыслителя — в набор стереотипов. Крестьянский барин, борода, «Война и мир», Крымская война, «Кавказский пленник», «Зеркало русской революции», вегетарианство, «Анна Каренина», смерть железнодорожной станции Астапово... Каждый может добавить к этому списку что-то еще, но суть от этого не изменится: культ Толстого совершенно заслонил собой живого человека, с его думами, переживаниями, терзаниями — вплоть до мыслей о самоубийстве, со сложнейшим характером, вероотступничеством и зачастую весьма спорными идеями.

Но снова обратимся к цитате, на этот раз Владимира Набокова: «Толстого вы читаете потому, что просто не можете остановиться. Идеологическая отравка — пресловутая «идейность» произведения (если прибегнуть к понятию, изобретенному современными критиками-шарлатанами) начала подтачивать русскую прозу в середине прошлого века и прикончила ее к середине нашего. Поначалу может показаться, что проза Толстого насквозь пронизана его учением. На самом же деле его проповедь, вялая и расплывчатая, не имела ничего общего с политикой, а творчество отличает такая могучая, хищная сила, оригинальность и общечеловеческий

смысл, что оно попросту вытеснило его учение. В сущности, Толстого-мыслителя всегда занимали лишь две темы: Жизнь и Смерть. А этих тем не избежит ни один художник».

И действительно, если отбросить все напластования, все то, чторосло вокруг фигуры Льва Толстого благодаря «стараниям» критиков и трактователей, то останется главное: Жизнь и Смерть. Или же — Божеское и Человеческое...

Это название — «Божеское и Человеческое» — наше издание получило не случайно. Помещенные в нем произведения относятся к «послекризисному» периоду творчества Льва Николаевича. Сам кризис случился в 1870-х годах. До 50 лет Толстой считал себя нигилистом, но затем стал буквально мучиться неразрешимыми вопросами: «Прежде чем заняться самарским имением, воспитанием сына, писанием книги, надо знать, зачем я это буду делать. Пока я не знаю — зачем, я не могу ничего делать. Среди моих мыслей о хозяйстве, которые очень занимали меня в то время, мне вдруг приходил в голову вопрос: „Ну хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?..” И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше. Или, начиная думать о том, как я воспитаю детей, я говорил себе: „Зачем?”» Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: „А мне что за дело?” Или, думая о той славе, которую приобретут мои сочинения, я говорил себе: „Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, — ну и что ж!..”

И я ничего и ничего не мог ответить».

Эти слова из «Исповеди» — автобиографического произведения, написанного Львом Николаевичем в конце 1870-х — начале 1880-х годов. Изначально писатель планировал опубликовать «Исповедь» в 1882 году в майском номере литературно-политического журнала «Русская мысль». Однако этому резко воспротивилась церковная цензура, и в итоге книга была впервые издана в Женеве в 1884 году, а впервые в России в полном варианте — только в 1906-м.

Еще более замысловатой оказалась судьба трактата «В чем моя вера?», который включен

в состав «Исповеди». Это произведение является (да простит нам читатель расхожий штамп) программным, в нем собственно и излагаются основы толстовства, главными принципами которого являются: непротивление злу насилием, всеобщая любовь и нравственное самосовершенствование личности, опрощение (слово, изобретенное самим Львом Николаевичем и означающее выбор человеком образа жизни с максимальным отказом от благ современной цивилизации). В 1884 году трактат был напечатан, но на него все той же церковной цензурой был наложен запрет. Однако сразу же после конфискации тиража Цензурный комитет оказался буквально завален индивидуальными запросами о выдаче книги, причем многие из этих запросов исходили от весьма высокопоставленных лиц, в том числе и от членов царской семьи. В итоге фактически весь тираж разошелся таким образом.

Схожая судьба постигла и трактат «Царство Божие внутри вас» (он был написан Л. Н. Толстым в 1890—1892 годах), также включенный в наше издание. Как рассказывали современники, в цензуре эту книгу называли «самой вредной из всех, которые когда-либо пришлось запрещать». Были предприняты строжайшие меры против распространения сочинения Толстого в России. Однако после того как в 1893 году «Царство Божие внутри вас» было опубликовано в Париже, Берлине и других городах, трактат в виде переводов попал-таки в Россию и стал расходиться среди читающей публики с поразительной быстротой. Кстати, один из английских переводов «Царства Божьего внутри вас» попал к уже упоминавшемуся Махатме Ганди. Это во многом изменило его взгляды. Ганди отмечал в своем дневнике: «Книга Толстого излечила меня от скептицизма и сделала убежденным сторонником ненасилия. Больше всего меня поразило в Толстом то, что он подкреплял свою проповедь делами и шел на любые жертвы ради истины».

В нашу книгу также включены 20 статей Л. Н. Толстого, которые по большей части написаны в 1880—1890-х годах: «Религия и нравственность», «Не убий», «Не могу молчать», «Где выход?» и другие.

МАРК АЛДАНОВ
ЗАГАДКА ТОЛСТОГО

I

Часто цитируют слова Канта: «Две вещи наполняют мой дух вечно новым и все большим благоговением: звездное небо надо мной, нравственный закон во мне». Эта знаменитая формула, выражающая идею совершенного, гармонического человека, может быть разделена, как в теории, так и в жизни: откиньте ее второй член, оставьте одно «звездное небо», она вплотную приблизится к учению язычника Гёте:

Freudig war vorvielen Jahren
Eifrig so der Geist bestrebt,
Zu erforschen, zu erfahren,
Wie Natur im Schaffen lebt.
Und es ist das ewig Eine,
Das sich vielfach offenbart;
Klein das Grosse, gross das Kleine,
Allesnach der eignen Art.
Immer wechselnd, fest sichhaltend,
Nah und fern und fern und nah,
So gestaltend, umgestaltend —
Zum Erstaunen bin ich da.¹

Напротив, для Толстого-мыслителя существует только «нравственный закон». То «das ewig Eine»², которому всю жизнь «удивлялся» Гёте, «звездное небо» Канта — в толстовстве не находят места. Ученые выдумали, правда, «туманные пятна», «спектральный анализ звезд», «химический состав Млечного пути», но все это — никому ни для чего не нужный профессорский вздор. Боги звездного неба,

---

¹ Довелось в былые годы
Духу страстно возмечтать,
Зиждущий порыв природы
Проследить и опознать.
Ведь себя одно и то же
По-различному дарит,
Малое с великим схоже,
Хоть и разнится на вид;
В вечных сменах сохраняясь,
Было — в прошлом, будет — днесь.
Я и сам, как мир, меняясь,
К изумленью призван здесь.

И. В. Гёте. Парабаза, 1820 г. (Перевод с нем. Н. Вильмонта).

² Вечность (нем.).

Кеплеры, Ньютоны, Лавуазье, для Толстого в лучшем случае — маньяки, напоминающие Пфуля, Вейротера и других немецких стратегов «Войны и мира», — только более безобидные, благодаря своей штатской профессии. Как Пфуль и Вейротер, они не лишены, быть может, специальной, ограниченной гениальности. Немецкие стратеги всю жизнь проводят за составлением диспозиций: «die erste Kolonne marschirt... die zweite Kolonne marschirt¹». Кеплеры весь свой век думают о том, как «der erste Planet marschirt... der zweite Planet marschirt²». Пфуля и Вейротера считают гениями другие немцы-стратеги; точно так же Кеплерам поклоняются другие безобидные маньяки, а за ними публика, находящаяся во власти научного суеверия. В худшем же случае, который, конечно, встречается гораздо чаще, небесные Пфули лишены даже ограниченной гениальности. Тогда это просто дюжинные профессора, Шмидты и Майеры, выдумавшие себе занятие, «чтобы получать больше жалованья», «нестерпимо самоуверенные и чрезвычайно глупые»³. Когда в «Плодах просвещения» профессор Алексей Владимирович Кругосветлов тягучим, мерным голосом говорит о «пертурбациях невесомого эфира», об «энергии динамической, термической, электрической и химической» и о ее «соллициитированных проявлениях», нам совершенно ясно, что Толстому он представляется гораздо глупее, чем Вово Звездинцев и Коко Клинген, достойные члены общества поощрения разведения старых русских густопсовых собак. Профессорский жаргон «научной науки», как презрительно выражался Толстой, стоит приблизительно на том же уровне, что косноязычный вздор полудиотического дипломата, князя Ипполита Курагина. В этом своем совершенном презрении к представителям «научной науки» Лев Николаевич идет вслед за Шопенгауэром, но гораздо дальше последнего. Немецкий философ тоже сердито удивлялся, когда слышал о необычайной гениальности Ньютона, тоже терпеть не мог профессоров и, как Толстой, не стесняясь в выражениях, говорил, что ученые вне своей специальности (а иногда и в ее пределах) сплошь и рядом оказываются настоящими ослами.

Толстой сражается с наукой, как опытный искусный полемист: он старательно выискивает

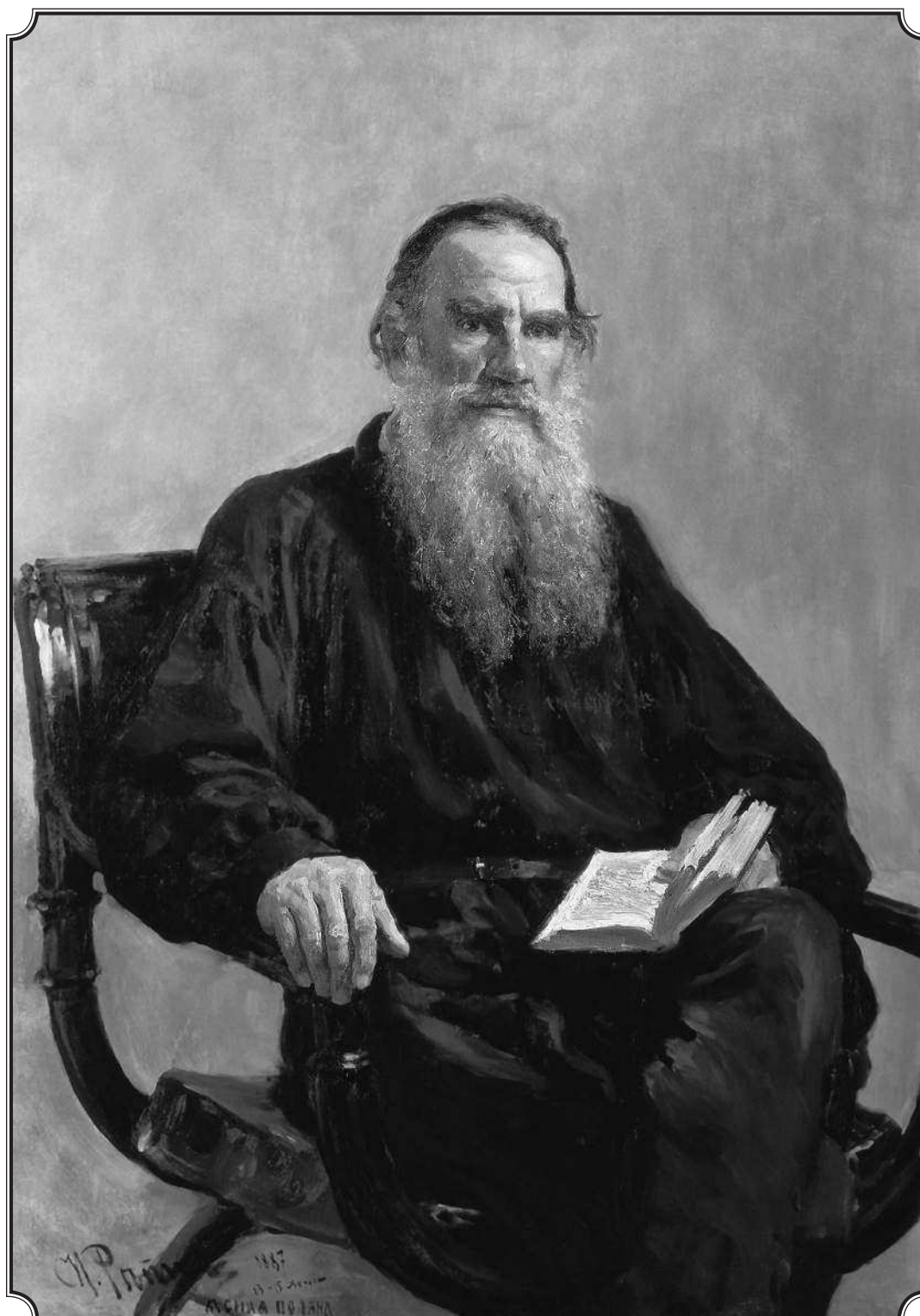
слабые места своего противника и на них сосредоточивает нападение. С особенной охотой он избирает мишенью для своих нападок медицину. Как радостно отмечает он, что знаменитые доктора не лечат, а обманывают Наташу Ростову, Кити Щербацкую. Толстовские врачи не уступают в невежественном апломбе спиритам-профессорам и немецким стратегам, но сверх того Толстой награждает их еще порядочной долей полусознательного цинизма: «К обеду приехал доктор и, разумеется, сказал, что, хотя повторные явления и могут вызывать опасения, но, собственно говоря, положительного указания нет, но так как нет и противопоказания, то можно, с одной стороны, полагать, с другой же стороны, тоже можно полагать. И потому надо лежать, и хотя я и не люблю прописывать, но все-таки это принимайте, и лежать... Получив гонорар, как и обыкновенно, в самую заднюю часть ладони, доктор уехал» («Дьявол»). Нечего сказать: и невежда, и шарлатан, и дармоед. Кругосветловы за свои откровения хоть гонорара не берут (по крайней мере, при читателе). Для посрамления медицины Толстой выдумывал даже особые болезни, которых врачи не только не могут прекратить, но не могут и распознать: нам так-таки остается неизвестным, от чего умер Иван Ильич — от блуждающей ли почки, от хронического ли катара или от болезни слепой кишки. Великий писатель не мог, однако, не знать, что существуют недуги более послушные воле и знанию человека; к тому же в семье точных наук практическая медицина является чем-то вроде Австрии по определению Тютчева: это Ахиллес, у которого всюду пятка.

Но и в других областях знания Толстой мастерски выбирает для атаки наиболее уязвимые места. В политической экономии он подвергает расстрелу теорию Мальтуса, в социологии — органическую теорию общества. Его аргументация местами сильна, почти всегда остроумна. Правда, она в значительной своей части не нова. Так, например, в критике шатких социологических построений Герберта Спенсера Толстой на каждом шагу повторяет известные аргументы Михайловского. Великий писатель доводил свое отвращение к научному педантизму до того, что несколько не считал себя обязанным изучать детально литературу

¹ Первая колонна марширует... вторая колонна марширует (нем.).

² Первая планета марширует... вторая планета марширует (нем.).

³ В Ясной Поляне одно время держалась поговорка: «Глуп, как профессор» (Ив. Наживив. Из жизни Л. Н. Толстого. Москва, 1911, с. 34). (Примеч. авт.)

И. Е. Репин.
Портрет Льва Николаевича Толстого.
1872 г.

вопросов, о которых писал: для него эти аргументы были новы; он приходил к ним самостоятельно. Впрочем, ему случалось выдвигать против тех или других научных положений и оригинальные доводы, в которых резкая, парадоксальная, несправедливая форма порою прикрывает долю несомненной истины. «Теория эволюции, — замечает, например, Толстой, — говоря простым языком, утверждает только то, что по случайности в бесконечно долгое время из чего хотите может выйти все, что хотите. Ответа на вопрос нет. А тот же вопрос поставлен иначе: вместо воли поставлена случайность, а коэффициент бесконечного переставлен от могущества ко времени» (XVII, 140)¹. Или еще: «Люди современной науки очень любят с торжественностью и уверенностью говорить: мы исследуем только факты, воображая, что эти слова имеют какой-нибудь смысл. Исследовать только факты никак нельзя, потому что фактов, подлежащих нашему наблюдению, бесчисленное (в точном значении этого слова) количество. Прежде чем исследовать факты, надо иметь теорию, на основании которой исследуются факты» (XVII, 136). Современный научный критицизм, обосновывая философские понятия рабочей гипотезы и объяснения, высказал мысли, довольно близкие к этим. Рамки настоящей работы не дают возможности сопоставить некоторые научные предвидения автора «Войны и мира» с подлинными мыслями знаменитых ученых нашего времени. В этих предвидениях, как почти в каждой странице наследия Толстого, ясно виден его несравненный ум, с одинаковой легкостью вникающий в сложные вопросы науки, в дебри отвлеченной метафизики, в глубины сердца человека, в мельчайшие подробности социальных отношений.

Но все же Толстой говорит о науке не как философ, а как полемист, притом как полемист,

исполненный крайнего раздражения. Резкость его отзывов часто переходит всякие границы: для него «дарвинизм — образец глупости», «чем учение человек, тем он глупее», «представление мужика о том, что Бог сотворил мир в 6 дней, гораздо правильнее, научнее, чем учение об эволюции», «слава Богу, что наука в Индии не развивается», люди, занимающиеся наукой, «умственно вывихивают себе мозги, становятся скопцами мысли, по мере оглупения приобретают самоуверенность»... и т. д. В пылу полемического увлечения Толстой иногда говорит явно несообразные вещи, вроде следующей: «в чем разница дедуктивного от индуктивного, никто никогда понять не мог» (XVII, 164), или же сообщает о науке сведения, просто фактически неверные: «Выдумали, — говорит он, например, — торпеды, приборы для акциза, для нужников, а прялка, ткацкий бабий станок, соха, топорище, цеп, грабли, журавель, ушат все такие же, как были при Рюрике» (XVII, 156).

В ответ на весь этот полемический задор, на мастерскую, блестящую кампанию Толстого наука великолепно молчала. Толстым везде увлекаются, как художником, еще больше интересуются его религиозными воззрениями, о которых пишут университетские диссертации (Maffre. *Le Tolstoïsme et le Christianisme*²); знаменитые историки (Альбер Сорель³, Н. И. Кареев⁴) посвящают специальные исследования историческим воззрениям Толстого; заслуженные генералы (Драгомиров⁵) старательно изучают его философию войны⁶. Но кампания великого писателя против науки со стороны представителей последней не удостоивается никакого ответа. Впрочем, Петцольдт⁷ вскользь замечает, что у Толстого, как у других религиозных реформаторов, нет научного органа: «kein Organ für die Wissenschaft». Отрицанию великого писателя представитель

¹ Все цитаты из произведений Л. Н. Толстого приводятся мною по 24-томному Сытинскому изданию под редакцией П. И. Бирюкова. (Примеч. авт.)

² Филипп Мафре. Толстовство и христианство. 1890 г.

³ Альбер Сорель (1842—1906) — французский историк, член Французской академии, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук. (Примеч. авт.)

⁴ Николай Иванович Кареев (1850—1931) — российский историк и социолог.

⁵ Михаил Иванович Драгомиров (1830—1905) — крупнейший военный теоретик Российской империи второй половины XIX в.

⁶ Воззрения Толстого на войну и ее науку незаметно проникли в те углы европейского мышления, где они, казалось бы, всего менее могла рассчитывать на сочувствие. Нередко они преподносятся европейскому читателю, как нечто новое и самостоятельное; см., например, у Леметра (*Les Contemporains*, 3-me série) заметку об истории Конде, написанной герцогом Омальским. (Примеч. авт.)

⁷ Йозеф Петцольдт (1862—1929) — немецкий философ-идеалист, представитель эмпириокритицизма, один из основателей Общества позитивистской философии.

науки ставит бесцеремонный диагноз: «eine gewisse Verkümmerng des logischen Bestandes»¹. Лев Николаевич считал ученость и глупость синонимами; в благодарность за этот комплимент Петцольдты зачисляют Толстого в число калек. Конечно, долг платежом красен; но платеж в данном случае вышел весьма сомнительный. «Органы» у Толстого были все в целости, — дай Бог каждому! — и «научный орган» отнюдь не составлял исключения.

В 1847 году 19-летний Л. Н. Толстой занес в свой дневник следующий небольшой проект, который трудно прочесть без улыбки:

«Цель жизни в деревне в продолжение двух лет: 1) Изучить весь курс юридических наук, нужных для окончательного экзамена в университет. 2) Изучить практическую медицину и часть теоретической. 3) Изучить языки: французский, русский, немецкий, английский, итальянский и латинский. 4) Изучить сельское хозяйство, как теоретически, так и практически. 5) Изучить историю, географию и статистику. 6) Изучить математику — гимназический курс. 7) Написать диссертацию. 8) Достигнуть высшей степени совершенства в музыке и живописи. 9) Написать правила и 10) получить некоторые познания в естественных науках. 11) Составить сочинения из всех предметов, которые буду изучать»².

В 1910 году 82-летний Л. Н. Толстой переезжал как-то из Кочетов в Ясную Поляну. В. Г. Чертков³ описывает следующую сцену из этого переезда:

«В отделении я остался один со Львом Николаевичем; Душан⁴ и Булгаков⁵ уселись в соседнем отделении. Я прилег отдохнуть, но мне не спалось. Л. Н., полулежа на противоположном сиденье, стал читать книгу. Встав, чтобы откинуть упавший на него шнур с опущенного верхнего дивана, он загляделся в открытое окно на красный закат. Долго выделялась на фоне окна его несколько согнувшаяся вперед сутуловатая фигура. Он, видимо, любовался зрелищем. Немного погодя, он, не двигаясь с места, посмотрел на свои

И. Е. Репин.
Портрет Владимира Григорьевича Чертова.
1872 г.

часы и затем стал поминутно их вынимать. Очевидно, он хотел проследить, сколько времени потребуется для того, чтобы диск солнца скрылся за горизонтом. Когда перед окном поднимался густой лес или насыпь, он нетерпеливо высовывал из окна голову, чтобы узнать, долго ли протянется это препятствие, мешавшее его наблюдению»⁶.

Эта сценка весьма характерна для Толстого, как ни маловажен излагаемый эпизод. Глубокий старец, одной ногой стоящий в могиле, должен зачем-то знать, сколько времени потребуется диску солнца, чтобы скрыться за горизонтом. Люди гораздо моложе его прилегли отдохнуть,

¹ «Известное ослабление логического мышления» (нем.).

² П. Бирюков. Л. Н. Толстой, т. I, с. 145. (Примеч. авт.)

³ Владимир Григорьевич Чертков (1854—1936) — лидер толстовства как общественного движения, близкий друг Л. Н. Толстого, редактор и издатель его произведений.

⁴ Душан Петрович Маковицкий (1866—1921) — словацкий врач, писатель, переводчик, общественный деятель. Врач семьи Толстого и яснополянских крестьян.

⁵ Валентин Федорович Булгаков (1886—1966) — последователь и последний секретарь Л. Н. Толстого. Руководитель ряда литературных музеев. Активный христианский анархист-толстовец и антимилитарист. В конце жизни около 20 лет возглавлял музей Толстого в Ясной Поляне.

⁶ В. Чертков. Свидание с Л. Н. Толстым в Кочетах. «Речь», 1913 г. (Примеч. авт.)

а он стоит с часами в руке и что-то нетерпеливо изучает. Это вот жадное любопытство к явлениям внешнего мира создает Пасторов и Лавуазье, когда оно не создает Толстых и Гёте.

«Я почти невежда, — пишет в дневнике Толстой в 1854 году, — что я знаю, тому я выучился кое-как сам, урывками, без связи, без толку и то так мало». Полвека спустя, он, вероятно, готов был бы повторить то же самое, но не с огорчением, а с истинной радостью: ведь по Толстому неученье — тьма, но и ученье — тоже тьма; единственный из современных людей, он был склонен гордиться «невежеством», хотя меньше, чем кто-либо другой, имел на это право: Толстой был несомненно одним из наиболее разносторонне ученых людей нашего времени. Он знал «немного обо всем», что, если верить Паскалю, гораздо лучше, чем знать «все о немногом»¹. Впрочем, в своем главном «ремесле», в литературе, он знал «все» — древнее, новое, новейшее; здесь он был специалистом глубокого, исчерпывающего знания. Толстой владел множеством культурных языков, вплоть до греческого и еврейского. Он в разное время жизни интересовался, со всей своей способностью страстного увлечения, то философией, то естествознанием, то богословием, то теорией искусства, то педагогическими науками. В 1870 году Толстой, по собственным словам, «с утра до ночи» занят изучением греческих классиков в подлинниках², в 1884 году он, как мы случайно узнаем, интересуется астрономией³, в 1910 году почти пристает ко всем своим посетителям с каким-то неизвестным доказательством Пифагоровой теоремы. Что ему Гекуба? Для чего нужна Пифагорова теорема тому, кто так жестоко издевается над наукой? Эти внезапные периодические увлечения сказывались в Толстом в течение всей его жизни, и люди, видевшие два десятка книжных шкафов в яснополянском доме⁴, знают, что такое — невежество Л. Н. Толстого. А между

тем мало ли у нас иронизировали на счет этого невежества! Сам Чехов, наверное, не прочитавший одной десятой части книг, известных Толстому, прохаживался на эту тему. Для современного интеллигента наука — то же самое, что твердыня великого Рима для римского гражданина на чужбине: вместо *civis romanus sum*⁵ достаточно произнести магические слова «научно обосновано», и перед обаянием грозной силы, имеющей столько известных каждому реальных проявлений, почтительно расступятся недруги. Но на Толстого слова эти не производили ни малейшего впечатления. Его универсально-анархический ум так же мало признавал суверенитет науки, как суверенитет государственной власти.

Причины этого загадочного явления всем известны: по крайней мере Толстой дал очень простое, так сказать, официальное объяснение своей антипатии к науке нашего времени. «Я не только не отрицаю науку, то есть разумную деятельность человеческую, — замечает он, — но я только во имя этой разумной деятельности и выражений ее говорю то, что я говорю» (XVII, 161). Во имя «истинной науки» Толстой отрицал «научную науку» нашего времени. Истинная же наука есть то, что «действительно необходимо людям». Все это очень просто. Остается только выяснить, действительно ли должно здесь искать настоящую и единственную причину антипатии Толстого к науке. Что-то уж слишком элементарно это соображение, а мысль великого писателя почти всегда далеко не так проста, как она хочет казаться.

Наука, говорит Толстой, должна была бы объяснить народу, «каким топором, каким топорием выгоднее что рубить; какая пила самая спорая; как месить лучше хлебы, из какой муки, как ставить их, как топить, как строить печи; какая пища, какое питье, какая посуда, какие грибы можно есть и как их удобнее приготовить» (XVII, 156). Упрек Толстого очевидно

¹ Необыкновенная разносторонность умственных интересов Толстого весьма ясно сказалась в его переписке с Н. Н. Страховым. XVIII век несколько отучил нас от такого стиля писем, и книга, превосходно изданная Толстовским музеем под редакцией Б. А. Модзалевского, своим настроением точно переносит читателя в умственную атмосферу XVII столетия, вызывая в памяти переписку Декарта с Мерсенном и Спинозы с Ольденбургом. За Н. Н. Страховым, независимо от его достоинств и недостатков, навсегда останется прочная заслуга в литературе: он один из первых понял, что такое Толстой. (Примеч. авт.)

² П. Бирюков. Цитир. соч., т. II, с. 170. (Примеч. авт.)

³ Там же, т. II, с. 480. (Примеч. авт.)

⁴ О библиотеке, составленной Толстым и насчитывающей 14 тысяч томов, см. интересные статьи А. Е. Грузинского (Толстовский ежегодник, 1912 г., стр. 133) и В. Ф. Булгакова (Толстовский ежегодник, 1913 г., с. 67). Поля книг часто испещрены рукой Толстого, что несомненно сделает эту библиотеку богатым материалом для изучения мысли великого писателя. (Примеч. авт.)

⁵ Я римский гражданин (лат.).

несостоятелен: какая посуда лучше, как удобнее приготовить грибы — это и без науки известно всякой бабе. Да и проблема «полезной» науки разрешается далеко не так легко. В настоящее время теоретическое знание тесно сплелось с практическим и нет никакой возможности отделить то, что полезно, от того, что только интересно. Размышление инженера Сади Карно о двигательной силе огня приводит к созданию отвлеченнейшего из отвлеченных принципов — второго закона термодинамики. Утилизация этого положения производит переворот в технике, отдельные отрасли которой столь прочно связаны между собой, что изменения парового двигателя не могут не отразиться на цене, если не на устройстве орудий первой житейской необходимости. Так, общепользные изобретения, как телеграф, телефон, вся современная электротехника, покоятся на чисто теоретических исследованиях Ампера и Фарадея. Лабораторные работы Пастера спасают от гибели виноделие и шелководство, то есть достояние миллионов французских крестьян. В рабочем кабинете Либиха зарождается идея дешевого мясного супа. А сама несчастная медицина? Какими доводами сражается с ней Толстой? «Защитники науки... — говорит он, например, — почему-то полагают, что вылеченное от дифтерита одно дитя из тех детей, которые без дифтерита нормально мрут в России в количестве 50 % и в количестве 80 % в воспитательных домах, должно убедить людей в благотворности науки вообще. Строй нашей жизни таков, что детские болезни, чахотка, сифилис, алкоголизм захватывают все больше и больше людей, что большая доля трудов людей отбирается от них на приготовления к войне, что каждые десять — двадцать лет миллионы людей истребляются войною, и все это происходит от того, что наука... занимается, с одной стороны, оправданием существующего порядка, а с другой — игрушками» (XIX, 240). В этом аргументе, несмотря на его кажущуюся простоту, разберешься далеко не сразу: здесь, в сущности, не один аргумент, а целых

четыре: 1) медицина не вылечивает всех детей, больных дифтеритом; 2) люди мрут в России не только от дифтерита; 3) наука оправдывает существующий общественный строй; 4) не велика радость, если и вылечишь ребенка: ведь все равно рано или поздно помрет. Первые три аргумента, очевидно, науке не страшны, ибо врачи могут победоносно ответить: сегодня вылечиваем многих, завтра научимся лечить всех, сегодня — от дифтерита, завтра — от других болезней; в этой «плоскости» спорить с наукой невозможно. Далее, что целый ряд весьма видных ученых пристроился на содержание к владыкам существующего порядка, — это, разумеется, святая истина. Но она так же мало свидетельствует против науки *an und für sich*¹, как дела Торквемады² и Лойолы³ — против учения Иисуса Христа. Если Вольта ответствен за американский электрический стул, тогда надо поставить в вину Гутенбергу⁴ публицистику Булгарина⁵ и поэзию Баркова⁶. Тогда крестьянин, посеявший лен, из которого сплели веревку для казни Пестеля и Рылеева, виновен в их гибели. Все это так очевидно, что даже несколько совестно противопоставлять Толстому доводы подобного рода: он их знал гораздо лучше, чем кто бы то ни было другой. Это ясно уже из того, что в нужную минуту он умел мастерским движением руки перебросить спор совсем в другую плоскость, ставя вопрос совершенно иначе: «Вы изобрели противодифтеритную сыворотку, вылечили ребенка, — говорит он ученым, — ну, а дальше что?»

«Зачем все это? — спрашивал когда-то Толстой у Мопассана, разумея под «всеим этим» красоту и любовь в понимании французского писателя, — ведь это хорошо бы было, если бы можно было остановить жизнь. А она идет. А что такое значит: идет жизнь? Идет жизнь — значит: волосы падают, седеют, зубы портятся, морщины, запах изо рта. Даже прежде, чем все кончится, все становится ужасным, отвратительным, видны размазанные румяна, белила, пот, вонь, безобразие.

¹ Как таковой (нем.).

² Томас де Торквемада (1420—1498) — основатель испанской инквизиции, первый великий инквизитор Испании.

³ Игнатий де Лойола (1491—1556) — основатель ордена иезуитов.

⁴ Иоганн Гутенберг (между 1397 и 1400 — 1468) — немецкий первопечатник, первый типограф Европы.

⁵ Фаддей Венедиктович Булгарин (1789—1859) — русский писатель, журналист, критик и издатель. «Герой» многочисленных эпиграмм Пушкина, Вяземского, Баратынского, Лермонтова, Некрасова и многих других. Основоположник жанров авантюрного плутовского романа, фантастического романа в русской литературе, автор фельетонов и нравоописательных очерков.

⁶ Иван Семенович Барков (1732—1768) — русский поэт, автор эротических, «срамных од», переводчик Академии наук, ученик Михаила Ломоносова, поэтические произведения которого пародировал.